

НАТАЛИ РОШ

АРХИМАГ НА ПОБЕГУШКАХ, или ПРОКЛЯТИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Натали Рош

**Архимаг на побегушках,
или Проклятие
бюрократического реализма**

«Автор»

2026

Рош Н.

Архимаг на побегушках, или Проклятие бюрократического реализма / Н. Рош — «Автор», 2026

История разворачивается в живописной глуши Грязевулкан, где грязь философски чавкает под ногами, а корова даёт не молоко, а концентрированное предчувствие беды. В этот оплот хаоса ссылают великого архимага Терентия. Его гениальный разум одновременно удерживает тридцать три тысячи магических формул, поэтому он вечно путает заклинание левитации с рецептом пирога. Его магия - это ходячая катастрофа. Но его главный враг не скука и не быт. Ему противостоит Верховный Аудитор - могущественный бюрократ, мечтающий превратить живую магию в унылую стерильную формулу. Его цель - запустить Машину Абсолютного Порядка и навсегда избавить мир от любого проявления творческого беспорядка, под которым он подразумевает и самого Терентия вместе с командой таких же «неправильных» героев: боевой кухаркой, саркастичным котом-демоном и депрессивным эльфом-готом. Но что может быть опаснее: Машина Абсолютного Порядка или рассеянный архимаг? И удастся ли Терентию вспомнить свой же гениальный план спасения мира?

© Рош Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. В которой Терентий прибывает в пункт назначения	5
ГЛАВА 2. В которой корова делится сплетнями, ворона — сарказмом, а амбар отправляется в первый полет	10
ГЛАВА 3. В которой сыр изрекает пророчества	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Натали Рош

Архимаг на побегушках, или Проклятие бюрократического реализма

ГЛАВА 1. В которой Терентий прибывает в пункт назначения

Великий Архимаг Терентий стоял перед Советом Высших Магов и рассеянно размышлял, выключил ли он чайник.

Чайник, строго говоря, находился в другом измерении. Точнее, в его собственной башне, на кухне, которую он в прошлый вторник случайно переместил в карманное подпространство. Чайник кипел уже третий месяц, и где-то там, внутри сингулярности, заваривался самый долгий в истории магии чай.

— Терентий! — грохнул председатель Совета, дородный маг с бородой, в которой застряли три медали. — Вы нас слушаете?

— Да-да, конечно, — Терентий моргнул и обнаружил, что его мантия снова надета задом наперед. Или это он сам стоит задом наперед? Проверять не было времени. — Вы говорили о... о... пардон, я отвлекся на молекулу воздуха. Она так забавно колебалась.

Председатель побагровел и стал похож на очень важный помидор.

— Мы говорили, — процедил он сквозь зубы, — о вашем ПОСЛЕДНЕМ ИНЦИДЕНТЕ!

Ах, да! Инцидент. Три дня назад Терентий пытался вывести формулу универсального удобрения для королевских садов. Он был уверен, что всё рассчитал верно. Но где-то между третьей и четвертой руной он отвлекся на пролетавшего за окном шмеля — тот жужжал в тональности ре-минор, что для шмеля довольно необычно — и случайно превратил королевский розарий в стадо разумных, но очень недовольных кактусов.

Кактусы, к слову, объявили забастовку и требовали конституционных прав.

— Это был несчастный случай, — пожал плечами Терентий. — Я просто хотел помочь с удобрением.

— Вы превратили королеву в куст крыжовника!!! — взвыл кто-то из задних рядов.

— ВСЕГО НА ЧАС! — возмутился Терентий. — И ей, между прочим, понравилось! Она сказала, что впервые за десять лет выпалась. Знаете, как спится в крыжовнике? Просто великолепно. Ягоды колышутся, ветерок...

— ТИШИНА! — грохнул председатель так, что с потолка посыпалась штукатурка. — Совет принял решение. Терентий, вы ссылаетесь на...

Он заглянул в свиток.

— ...на обязательную отработку в деревню Грязевулкан. Третья категория магической глуши. Будете колоть дрова, чинить крыши и помогать местному населению.

В зале повисла тишина. Кто-то ахнул. Кто-то нервно хихикнул.

Терентий рассеянно почесал затылок, в котором застряло перо феникса.

— Грязевулкан... — протянул он. — Это где-то на юге? Или на севере? Я там был?

— Вы там родились, Терентий, — устало произнес председатель.

— Ах да, точно! Чудесное место. Там, кажется, самая большая в королевстве коллекция... э-э-э... чего-то.

— Грязи, — подсказал председатель.

— Точно! Грязи. Обожаю грязь.

И тут Терентий замер. В его голове что-то щелкнуло. Он вспомнил про чайник. Потом про шмеля. Потом про то, что забыл позавтракать. Потом его мысли совершили замысловатый кульбит, провалились в какую-то кроличью нору сознания и неожиданно вынырнули в абсолютно новой, но очень важной идее: «Грязевулкан. Деревня. Отработка. Там ведь что-то должно произойти. Что-то важное. Что-то, о чем его предупреждали... Или не предупреждали? Или это был сон? Или он прочитал это в рецепте вчерашнего супа?»

В любом случае, Терентий забыл, что именно он должен был вспомнить. Но осталось щекочущее чувство: там что-то не так.

— Когда выезжать? — спросил он бодро.

— Вчера, — буркнул председатель.

— Отлично! Значит, я уже опаздываю. Обожаю опаздывать. Это так... будоражит.

Он развернулся, чтобы уйти, но тут же споткнулся о свою же мантию (она пыталась улизнуть в буфет за печеньем), уронил чей-то магический шар (шар обиделся и надулся до размеров тыквы) и случайно наложил на председателя заклинание неконтролируемой чечетки (председатель пустился в пляс, проклиная всё на свете).

Терентий этого уже не видел. Он вышел в коридор, где его ждала Мэри-Энн, личный ассистент-менеджер, нанятая Гильдией Магов (чтобы он не забыл поесть и не поджег реальность), с огромной скалкой в руках. Ее скалка — артефакт стабилизации пространства (если треснуть ею по столу, Терентий на секунду переставал рассеиваться).

— Ты опоздал на два часа, — сообщила она.

— Значит, всё по плану! — просиял Терентий. — Мы едем в Грязевулкан!

— Зачем?

— Хороший вопрос, — Терентий задумался ровно на секунду. — Колоть дрова. Или спасти мир. Или и то, и другое. Я забыл, но по дороге обязательно вспомню!

Мэри-Энн тяжело вздохнула и сжала скалку так, что та тихонько загудела.

Лорд Пушингтон, кот-демон (не просто саркастичный фамилльяр, а «внешний жёсткий диск памяти», Терентий призвал демона, чтобы тот запоминал важные дела, но из-за рассеянности заполнил не тот бланк, и демон стал котом), дремавший на лавке, приоткрыл один глаз и лениво произнес:

— Ставлю свою прошлую душу на то, что он забудет, куда мы едем, уже к обеду. И снова превратит что-нибудь в кактус.

— Принимаю ставку, — усмехнулась Мэри-Энн. — Думаю, к обеду он превратит в кактусы нас.

— Это было бы забавно, — заметил Терентий, уже уходя куда-то не в ту сторону. — Кстати, кто-нибудь выключил чайник?

Где-то в карманном подпространстве чайник всё ещё кипел. Ему оставалось три дня до того, чтобы стать разумным.

Дорога до Грязевулкана заняла ровно на два дня больше, чем планировалось. И не потому, что деревня находилась далеко — нет, всего-то полдня пути от столицы. Просто Терентий трижды забывал, куда они едут.

Первый раз он проснулся в карете, увидел пролетающую мимо ворону и вспомнил, что ему срочно нужно в Северные Горы — проверить, не созрели ли лунные камни. Карета развернулась.

Второй раз он увидел придорожный трактир с вывеской «У Пьяного Единорога» и вспомнил, что должен там встретить старого друга. Друга на месте не оказалось (потому что Терентий придумал его только что), зато трактирщик подарил им бочонок «Чего-то особенного». Мэри-Энн попробовала и заявила, что это «что-то особенное» на вкус как забродившие носки с нотками разочарования.

Третий раз Терентий остановил карету и потратил час, пытаясь найти мышей, потому что «это, кажется, важно для какого-то ритуала».

Но теперь, когда солнце уже клонилось к закату, а Лорд Пушингтон успел трижды проклясть всё сущее и один раз — конкретно оглоблю, карета наконец въехала в деревню.

— Приехали! — объявила Мэри-Энн с облегчением.

— Куда? — спросил Терентий, выглядывая в окно.

— В Грязевулкан!

— А зачем?

— Ты забыл?

— О! Значит, это должно быть что-то очень важное! Я всегда забываю только важное. Мелочи я помню прекрасно. Например, я помню, что у королевы родинка на...

— Терентий!

— ...на левой мочке уха. Что? Это мелочь.

Грязевулкан встретил их так, как и положено деревне с таким названием: грязью. Но грязь эта была... выдающейся. Она чавкала под ногами с каким-то особенным энтузиазмом, словно радовалась новым гостям. Кое-где грязь образовывала пузыри, которые, лопаясь, издавали звуки, подозрительно похожие на «добро пожаловать».

На въезде висел кривой указатель. На нем значилось: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГРЯЗЕВУЛКАН! Население: 42 человека, 3 привидения, 1 очень саркастичная ворона и 1 корова».

— Мило, — прокомментировал Лорд Пушингтон, разглядывая надпись. — Особенно про ворону. Чувствую родственную душу.

— Ты чувствуешь только голод и презрение ко всему живому, — заметила Мэри-Энн.

— Именно. Поэтому ворона мне и симпатична.

Терентий тем временем уже вышел из кареты и стоял посреди главной (и единственной) улицы, задумчиво разглядывая лужу. Лужа разглядывала его в ответ.

— Эта лужа, — произнес он наконец, — кажется мне подозрительно глубокой.

— Это лужа, Терентий. Она мелкая.

— Нет-нет, она глубокая в метафизическом смысле. Посмотрите, как она отражает небо. Это не просто лужа. Это портал в другое измерение.

— Терентий, это обычная...

Но Терентий уже сделал шаг в лужу. И исчез.

Мэри-Энн моргнула. Лорд Пушингтон перестал вылизывать лапу. Прошло три секунды. Пять. Десять.

— Я его убью, — спокойно сказала Мэри-Энн. — Я его сначала спасу, а потом убью.

— Предлагаю поменять порядок, — отозвался кот. — Так эффективнее.

К счастью, убивать никого не пришлось. Лужа с громким чавканьем выплюнула Терентия обратно. Он был мокрый с головы до ног, но при этом держал в руках... рыбу.

— Там другое измерение, — сообщил он, сияя. — Я принес сувенир.

Рыба в его руках посмотрела на Мэри-Энн с выражением глубокого экзистенциального ужаса и произнесла:

— Отпусти меня. Я не рыба. Я философ.

Терентий удивленно посмотрел на рыбу:

— Ого! Прошу прощения. Я думал, вы треска.

— Я мыслитель! — возмутилась рыба.

— А, ну тогда вам, наверное, некомфортно без воды. Мэри-Энн, у нас есть ведро?

Именно в этот момент на сцене появился новый персонаж.

Из-за угла ближайшего дома, закутанный в черный плащ, вышел высокий и до невозможности тощий эльф. Его волосы цвета воронова крыла были уложены в траурную прическу,

а глаза подведены углем так густо, что он, кажется, видел мир исключительно в черно-белом спектре.

Он остановился, окинул компанию долгим страдальческим взглядом и произнес голосом, который звучал как дождливый понедельник:

— О, путники. Вы прибыли в юдоль скорби. В объятия безысходности. В край, где даже грязь грустит о своей грязной судьбе. Я — Тим. Или, как меня называют за глаза... — он сделал драматическую паузу, — Тим-не-очень-светлый-эльф.

Лорд Пушингтон окинул его оценивающим взглядом.

— А мне нравится твой стиль, парень. Мрачно, безнадежно... Не хватает только легкого презрения к окружающим.

Тим моргнул:

— Спасибо. Я практикую презрение каждый день перед завтраком. Оно у меня сменяется тоской ближе к обеду.

— А что на ужин? — поинтересовался Терентий, всё еще держащий рыбу-философа.

— Экзистенциальный ужас. С гарниром из тщетности бытия.

— О! У нас как раз есть немного тщетности! Мэри-Энн, у нас остался тот бочонок из трактира?

Тим-не-очень-светлый-эльф оказался не просто местным жителем — он был своего рода достопримечательностью Грязевулкана. Его изгнали из Эльфийского Леса три года назад за «нарушение гармонии». Конкретно — за то, что он слушал слишком громкую музыку, красил цветы в черный цвет и написал поэму «Ода Увядшему Лепестку», которая заставила расплаться даже вековые дубы.

— Дубы не плачут, — заметила Мэри-Энн.

— Эти плакали, — мрачно ответил Тим. — Я видел их слезы. Это была смола. Горькая, как моя душа.

Теперь он служил деревенским... кем-то. Никто точно не знал, чем он занимается. В основном Тим бродил по деревне, цитировал мрачные стихи собственного сочинения и отпугивал солнечную погоду. С ним в Грязевулкане всегда было пасмурно, что, впрочем, местных вполне устраивало — кабачки лучше росли в тени.

— А еще, — добавил Тим, провожая гостей к дому, выделенному для Терентия, — у нас есть Священная Корова Апокалипсиса.

— Кто? — Терентий наконец отпустил рыбу-философа (она уползла в лужу, бормоча что-то про «понаехавших тут»).

— Священная Корова Апокалипсиса. Она дает не молоко, а концентрированное предчувствие беды. Очень полезно для сыроварения. Местный сыр «Апокалипсис Пармезан» славится на всю округу.

— И что, он правда предвещает конец света? — заинтересовался Лорд Пушингтон.

— Нет. Но после него у всех жуткая изжога. Что, согласитесь, тоже своего рода апокалипсис.

Дом, выделенный Терентию, оказался на удивление приличным. Небольшой, но крепкий, с черепичной крышей и маленьким садиком. Правда, растения в садике были... необычными. Один куст при виде гостей застенчиво спрятался за угол. Другой сделал вид, что он вовсе не куст, а камень.

— Предыдущий маг оставил, — пояснил Тим. — Он занимался селекцией. Хотел вывести само-пропалывающиеся сорняки. В итоге сорняки осознали себя как вид и теперь отказываются расти без письменного приглашения.

— Забавно, — улыбнулся Терентий. — А где сам маг?

— Уехал. Сказал, что ему нужно срочно в столицу. Что-то про «сыр абсолютной власти» и заговор.

Мэри-Энн насторожилась.

— Что за заговор?

— Не знаю. Он не успел рассказать — его прервал взрыв в лаборатории. Сказал только, что всё не то, чем кажется, и что сыроварня — это не просто сыроварня.

В воздухе повисла пауза.

— Ну, — нарушил молчание Терентий, — это логично. Сыроварня — это всегда сыроварня, пока не окажется чем-то другим. Я, например, однажды был буфетом.

Все уставились на него.

— Долгая история, — отмахнулся он. — Так, где у нас тут спальня? Я хочу забыться сном и заодно забыть всё, что сегодня вспомнил.

— Ты разве что-то вспомнил? — удивилась Мэри-Энн.

— Не знаю. Но на всякий случай лучше забыть. Вдруг что-то важное, а я не готов.

Лорд Пушингтон, уже устроившийся на подоконнике, лениво зевнул:

— Знаете, а мне здесь нравится. Есть какое-то... очарование безнадёги.

— Спасибо, — серьёзно кивнул Тим. — Я тоже так думаю.

ГЛАВА 2. В которой корова делится сплетнями, ворона — сарказмом, а амбар отправляется в первый полет

Утро в Грязевулкане наступило неожиданно. В том смысле, что никто его не звал, а оно всё равно пришло — наглое, солнечное и абсолютно не считающееся с чувствами Тима.

— Опять это светило, — мрачно пробормотал эльф, кутаясь в плащ и надвигая капюшон на глаза. — Жжет, слепит, заставляет фотосинтезировать... Отвратительно.

Он стоял у дома Терентия ровно в семь утра, потому что Мэри-Энн еще вчера взяла с него обещание «показать хозяйство». Тим воспринял это как приговор и теперь ждал, всем своим видом демонстрируя, что жизнь — это боль.

Дверь распахнулась. На пороге появилась Мэри-Энн — свежая, бодрая, со скалкой в руках.

— Доброе утро, Тим! Прекрасная погода!

— Погода — это иллюзия, созданная атмосферным давлением, чтобы мы поверили в бессмысленность бытия.

— Чудесно. А где Терентий?

— Я здесь! — раздалось откуда-то сверху.

Мэри-Энн подняла голову. Терентий висел в воздухе метрах в двух над землей, в позе лотоса, и сосредоточенно разглядывал окрестности.

— Терентий, — спросила она, — ты зачем висишь?

— Я не вишу. Я медитирую. Пытаюсь вспомнить, что я забыл вчера. Мне кажется, это было что-то важное.

— И как успехи?

— Пока вспомнил, что забыл почистить зубы. Но это мелочи.

— Больше ничего не вспомнил?

— Забавно, правда? Я перепутал заклинание левитации с заклинанием «подумать о вечном». Теперь, когда я думаю, я левитирую.

— А если перестанешь думать?

— Упаду. Но я не могу перестать думать, потому что тогда я забуду, что я вообще существую.

Мэри-Энн выразительно посмотрела на Лорда Пушингтона, который как раз выходил из дома с видом монарха, снизошедшего до прогулки.

— Пуш, сделай что-нибудь.

Кот лениво посмотрел на парящего мага, зевнул и произнес:

— Терентий, в доме пожар.

— ЧТО?! — Терентий рухнул на землю, больно ударившись о крыльцо. — Где?! Где пожар?!

— Ложная тревога, — невозмутимо ответил кот. — Зато ты приземлился. Благодарить не надо, я принимаю только поклонение и лососю.

Деревня Грязевулкан, как выяснилось, была не просто скоплением домов и сараев. Это был целый организм. Дышал он, правда, с присвистом (из-за вечно простуженного кузнеца), но жил активной жизнью.

Тим вел делегацию по главной улице, попутно исполняя роль самого депрессивного экскурсовода в истории:

— Слева вы видите пекарню. Хлеб там черствеет быстрее, чем наши надежды. Справа — кузница. Кузнец Степан уже десять лет обещает подковать блоху, но блоха от него сбежала. Это

было началом его запоя. Впереди — сыроварня. Там делают сыр, который снится в кошмарах даже мертвецам. Экскурсия окончена, спасибо, что обречены.

— А где же Корова? — спросил Терентий, который за время прогулки успел трижды отвлечься, дважды чуть не упасть в ту самую метафизическую лужу и один раз завязать разговор с фонарным столбом (столб оказался неразговорчивым, но очень вежливым).

— Корова на своем месте, — Тим указал куда-то в сторону горизонта. — На холме. Она всегда там. Смотрит вдаль. Ждет.

— Чего ждет?

— Никто не знает. Может, конца света. Может, свежей травы. Может, и того, и другого — Корова не уточняет.

Священная Корова Апокалипсиса оказалась созданием величественным. Она возлежала на холме, поросшем какой-то подозрительно фиолетовой травой, и жевала. Её глаза были полуприкрыты, а выражение морды ясно говорило: «Я знаю нечто, чего не знаешь ты, и меня это забавляет».

На голове у коровы, прямо между рогов, сидела ворона — та самая, из надписи на указателе. Ворона была черной, взъерошенной и смотрела на мир так, словно он задолжал ей крупную сумму.

— Кар, — каркнула ворона при виде гостей. — Новенькие! Или старенькие? Судя по тому, как этот маг смотрит на меня, он пытается вспомнить.

Терентий действительно замер с открытым ртом.

— Я пытаюсь вспомнить, — подтвердил он. — Но параллельно думаю: а все ли вороны говорят? Или только те, что сидят на священных коровах?

— Все говорят, — каркнула ворона. — Просто вы, люди, редко слушаете. А когда слушаете, то обижаетесь. Так что мы предпочитаем общаться с коровами. У них словарный запас меньше, но зато никаких жалоб.

Корова издала глубокое «му-у-у», которое звучало как философский трактат в одном звуке.

— Что она сказала? — спросила Мэри-Энн.

— Она сказала, — перевела ворона, — что вы пришли не просто так. Что вы часть Большого Плана. И что у мага очень смешная шляпа.

— На мне нет шляпы, — заметил Терентий.

— Она про твою прическу, — пояснила ворона. — Корова считает, что твои волосы выглядят как взъерошенный еж, который проиграл битву с расческой.

— О! Передайте корове мое почтение. И ежу тоже.

Корова снова замычала.

— Она говорит, — продолжила ворона, — что сыроварня — это не просто сыроварня. И что сыр, который там делают, способен изменить мир. Или уничтожить его.

— Это как? — насторожилась Мэри-Энн.

— Сыр «Апокалипсис Пармезан», — ворона понизила голос до заговорщицкого карканья. — Его рецепт хранится в тайне. Говорят, что тот, кто съест этот сыр, обретет абсолютную власть. Или абсолютную изжогу. Или и то, и другое. В любом случае, это будет эпично.

— А кто делает этот сыр? — спросил Терентий, который наконец перестал трогать свои волосы в поисках ежа.

— Сыровар, — ответила ворона. — Его зовут Грегор. Он странный. Даже по местным меркам.

— Это комплимент, — мрачно вставил Тим.

— Грегор говорит с сыром, — продолжила ворона. — И сыр отвечает ему. Они ведут долгие беседы о судьбах вселенной. И еще он коллекционирует пуговицы. Но это уже не так важно.

Лорд Пушингтон, который до этого момента изучал фиолетовую траву с видом гурмана, впервые проявил интерес:

— Говорящий сыр? Это почти так же хорошо, как говорящий кот. Почти.

— Не обольщайся, — каркнула ворона. — Сыр говорит только цитатами из древних пророчеств. Он жутко пафосный.

После знакомства с коровой и вороной (которая напросилась проводить их до сыроварни, потому что «тут скучно, а вы хотя бы забавные»), делегация направилась к загадочному зданию на окраине.

На полпути Терентий вдруг остановился.

— Я вспомнил! — воскликнул он.

Все замерли. Даже ворона перестала каркать.

— Что? — осторожно спросила Мэри-Энн.

— Мне же сказали колоть дрова и чинить крыши! А я еще ничего не сделал! Надо срочно исправляться!

И прежде чем кто-либо успел его остановить, Терентий решительно направился к ближайшему амбару.

— Терентий, стой! — Мэри-Энн рванула за ним. — Может, начнем с чего-нибудь маленького? Например, с дров?

— Нет-нет! Крыша — это важно! Сейчас я всё почию.

Он взмахнул руками. В воздухе запахло скандалом.

— ЗАКЛИНАНИЕ ПОЧИНКИ КРЫШ! — провозгласил он.

Ничего не произошло. Терентий нахмурился.

— Хм. Кажется, я перепутал слова. Или жесты. Или реальность. Подождите, сейчас исправлю.

Он взмахнул руками еще раз. И еще раз. И еще один раз.

Амбар начал дрожать. Потом подпрыгнул. Потом издал звук, похожий на «ой-ой-ой». И медленно, величественно, словно нехотя, ОТОРВАЛСЯ ОТ ЗЕМЛИ И ВЗЛЕТЕЛ.

— Надо же, — сказал Терентий, глядя, как амбар парит над деревней. — Это не совсем то, что я планировал.

— НЕ СОВСЕМ?! — заорала Мэри-Энн, сжимая скалку.

Амбар тем временем сделал круг над деревней, довольно бодро для строения, которое только что осознало свою способность к полету. Из окон амбара выглядывали три курицы и один крайне удивленный поросенок.

— КУДА ОН ЛЕТИТ?! — крикнула ворона, которая от хохота чуть не свалилась с плеча Тима.

— Не знаю! — радостно отозвался Терентий. — Но это великолепно! Посмотрите, как он изящно закладывает вираж! Я и не знал, что амбары умеют летать!

— ОНИ НЕ УМЕЮТ!

— Ну, этот умеет. Значит, я открыл новый вид. Назову его Амбар Возвышенный. Или Летящий Амбарус Обыкновенный.

— ТЕРЕНТИЙ! ВЕРНИ АМБАР НА МЕСТО!

— Ах да. Сейчас. Э-э-э... ЗАКЛИНАНИЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ АМБАРА! Нет, не так. ЗАКЛИНАНИЕ ПРИЗЕМЛЕНИЯ ЛЕТАЮЩИХ СТРОЕНИЙ! Тоже нет... Может, попросить его вежливо?

Амбар, словно услышав, начал снижаться. Плавно, аккуратно, он опустился... прямоком в огород к кузнецу Степану.

Раздался хруст. Это сломалась теплица. Потом еще хруст. Это сломались надежды Степана на хороший урожай. Потом раздалась отборная ругань. Это Степан вышел из кузницы.

— Ой, — сказал Терентий.

— «Ой»?! — Мэри-Энн уже бежала к огороду, размахивая скалкой. — Ты устроил первый в истории авиаперелет для амбара и посадил его на чужую теплицу! И все, что ты можешь сказать — «ой»?!

— Я хотел сказать «упс». Но «ой» показалось более уместным.

Лорд Пушингтон, наблюдавший за происходящим с безопасного расстояния, повернулся к Тиму и вороне:

— Ставлю свою будущую душу, что к вечеру он превратит сыроварню в космический корабль.

— Принимаю, — каркнула ворона.

— Это будет конец света, — мрачно изрек Тим. — Мне нравится.

ГЛАВА 3. В которой сыр изрекает пророчества

Сыроварня Грязевулкана выглядела именно так, как и должна выглядеть сыроварня, которая на самом деле не просто сыроварня. Приземистое каменное здание с трубой, из которой валил подозрительно разноцветный дым. Сегодня дым был лиловым с золотыми искрами — по словам Тима, это означало, что Грегор в хорошем настроении.

— А какой дым, когда он в плохом? — спросила Мэри-Энн.

— Черный. И он двигается против ветра. И шепчет.

— Что шепчет?

— Рецепты. Ужасные, неправильные рецепты. Однажды я услышал, как дым прошептал «добавь изюм в пиццу». Я не спал три ночи.

Терентий тем временем уже стоял у двери сыроварни и пытался постучать. Проблема заключалась в том, что дверь была открыта, но он этого не заметил и стучал по воздуху.

— Тук-тук-тук, — произносил он, и его кулак проходил сквозь дверной проем. — Странно. Очень странно.

— Терентий, — вздохнула Мэри-Энн. — Дверь открыта.

— А я думал, это иллюзия. Или портал. Или иллюзия портала.

— Это дверь.

— Знаешь, в мультивселенной бесконечных возможностей дверь — это всего лишь одна из вероятностей. Возможно, в параллельной реальности я сейчас стучу в стену. Или в окно.

— Терентий, просто зайди внутрь.

Внутри сыроварня оказалась... неожиданно просторной. Гораздо просторнее, чем снаружи. Это либо была магия, либо очень хитрая архитектура, либо здание просто решило, что ему нужно больше места, и расширилось, пока никто не видел. В Грязевулкане такое случалось.

Повсюду стояли стеллажи с сырными головами. Некоторые из них светились. Некоторые тихонько гудели. Одна в углу, кажется, мурлыкала.

— Это выдержанный сыр, — пояснил Тим. — Очень выдержанный. Он уже почти живой.

— Почти? — переспросил Лорд Пушингтон, глядя, как сырная голова подползает к миске с молоком.

— Грегор говорит, что еще пара месяцев — и он начнет голосовать на выборах.

Из глубины сыроварни донесся голос — густой, как плавленый сыр, и такой же обволакивающий:

— Гости! Гости в моей скромной обители плесени и откровений! Проходите! Не забудьте стерилизовать мысли!

Грегор-сыровар оказался именно таким, каким его описывала ворона — странным. Огромный, круглый, в белом фартуке, покрытом пятнами, которые складывались в замысловатые узоры. У него была окладистая борода, в которой застряли кусочки сыра, и глаза, которые смотрели в разные стороны, словно он постоянно следил за двумя реальностями одновременно.

— Терентий! — прогудел Грегор, раскидывая руки. — Я ЖДАЛ ТЕБЯ!

— Правда? — удивился Терентий. — А я вот только что вспомнил, куда иду. Приятно, когда тебя ждут в месте, которое ты только что осознал.

— Сыр сказал мне! Сыр всегда всё знает!

— Сыр?

— Он говорит со мной! Он даёт мне пророчества!

Грегор подбежал к огромной сырной голове, покоившейся на постаменте в центре зала. Эта голова была размером с хороший арбуз и излучала мягкое золотистое свечение. Пахло от

нее... пафосом. Seriously, запах был именно пафосный — с нотками торжественности и легким оттенком «я-же-тебе-говорил».

— О, ВЕЛИКИЙ СЫР! — воззвал Грегор. — ГОСТИ ПРИШЛИ! ПОВЕДАЙ ИМ СВОЮ МУДРОСТЬ!

Сыр засветился ярче. По его поверхности пошли трещины. И вдруг — он заговорил. Голос был низкий, вибрирующий, как будто где-то в глубине вселенной заиграли на сырной струне:

— Когда маг, что забыл, и та, что всё помнит, ступят на порог, начнется великая тряска основ. Ибо то, что копилось веками, прорвется, как сыр из мешка, и зальет всё сущее ароматом своим.

Повисла тишина.

— И что это значит? — осторожно спросила Мэри-Энн.

— Это значит, что близится великое сыропришествие! — заявил Грегор.

— А можно поточнее?

Сыр снова засветился:

— Тот, кто порядок возвел в абсолют, уже точит свой нож. Он нарежет реальность на ровные дольки и съест их под соусом правил. Но найдется рассеянный, что уронит приборы, и трапеза пойдет кувирком.

— Верховный Аудитор, — прошептал Лорд Пушингтон. — Это про него. Он хочет нарезать реальность?

— Сыр предупреждает нас о заговоре? — Мэри-Энн сжала скалку. — Аудитор хочет... упорядочить магию? Сделать ее скучной?

— Не просто скучной! — Грегор затрясся. — Правильной! Стерильной! Без вкуса и запаха!

— Ужас, — выдохнул Тим с таким выражением лица, словно это было лучшее, что он слышал за неделю. — Даже я не настолько мрачен.

Терентий, который всё это время молчал, вдруг оживился:

— Так, погодите. Значит, Верховный Аудитор хочет сделать магию правильной. А я — неправильный маг. И меня отправили сюда, в деревню, где делают пророческий сыр. И здесь заговор?

— ДА!

— И я должен его остановить?

— ДА!!!

— А почему я?

Сыр ответил сам:

— Ибо ты — хаос, что носит мантию и путает лево с право. Ты — единственный, кто способен испортить идеальный план. Твоя забывчивость — твоё оружие. Твоя рассеянность — твой щит.

Терентий почесал затылок:

— Обычно меня ругают за рассеянность, а тут, оказывается, это моё оружие. Приятно. Очень приятно. Я, правда, не помню, как им пользоваться, но это же и есть суть оружия, да?

Дальнейший разговор был прерван грохотом снаружи. Все высыпали на улицу и увидели зрелище, которое даже по меркам Грязевулкана было... избыточным.

Летающий амбар вернулся. Но он был не один.

Рядом с ним парили еще три строения: курятник, сарай кузнеца и чья-то баня (из окна выглядывал мужик с веником).

— О нет, — прошептала Мэри-Энн.

— Это великолепно! — заорал Грегор, хлопая в ладоши. — Сыр предсказывал «великую тряску основ»!

— Это не тряска основ! — крикнула Мэри-Энн. — Это Терентий забыл, как отменить заклинание!

— Я не забыл! — возразил Терентий. — Я отложил. У меня в голове сейчас столько всего! Пророчество, сыр, заговор, летающие постройки... Кстати, о постройках — смотрите, баня делает мертвую петлю!

Баня действительно делала мертвую петлю. Мужик внутри орал что-то неразборчивое — то ли проклятия, то ли восторг, то ли просьбу поддать пару.

— Нужно всё это вернуть на землю! — Мэри-Энн схватила Терентия за плечи. — Сосредоточься! Вспомни заклинание отмены!

— Заклинание отмены... заклинание отмены... — Терентий наморщил лоб. — Вспомнил! Он щелкнул пальцами. Ничего не произошло. Он щелкнул еще раз. И еще.

— Терентий...

— Подожди, я знаю, что я его помню! Это что-то связанное с...

Он снова щелкнул. И на этот раз получилось. Точнее, ПОЛУЧИЛОСЬ.

Все летающие постройки одновременно перестали летать. Но вместо того, чтобы опуститься на землю, они... ЗАВИСЛИ в воздухе. В абсолютной неподвижности. Даже облака вокруг них замерли. Даже птицы.

— Однако, — констатировал Терентий. — В мою защиту — это очень красиво.

— Ты превратил хозяйственные постройки в левитирующие строения!

— Ну... они хотя бы не падают. Им, кажется, нравится.

Кузнец Степан, который как раз подбежал к месту действия с топором наперевес, замер, глядя на свой парящий сарай. Его лицо прошло путь от ярости до недоумения, потом до принятия и, наконец, до чего-то похожего на гордость.

— Мой сарай как орёл, — сказал он наконец.

— Я могу исправить! — предложил Терентий.

— НЕ НАДО! — хором заорали все присутствующие.

— Ладно, — пожал плечами маг. — Будет наша деревенская достопримечательность.

Мэри-Энн закрыла лицо рукой. Лорд Пушингтон тихо смеялся, свернувшись клубком на крыльце сыроварни. Тим записывал что-то в черный блокнот — вероятно, идеи для новой, еще более мрачной поэмы.

А Терентий смотрел в небо и улыбался.

— Знаете, — сказал он, — по-моему, у меня неплохо получается помогать по хозяйству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.